

КИТАЙСКИМ ФИЛОСОФАМ ЛЕГЧЕ УСВАИВАТЬ РУССКУЮ, А НЕ ЗАПАДНУЮ ФИЛОСОФИЮ

ЧЖАН БАЙЧУНЬ

*Профессор философского факультета
Пекинского педагогического университета, заведующий кафедрой религиоведения,
руководитель центра по изучению русской культуры*

Василий Ванчугов: Уважаемый профессор, когда в Китае узнали о русском мыслителе Бердяеве, где и как это произошло?

Чжан Байчунь: У нас узнали о нем еще до его смерти, и первые переводы его работ появились в 30-е годы 20 века — это «Христианство и классовая борьба» (1936 г., Шанхай), «Новое средневековье» (1937 г., Шанхай). А когда Бердяев умер, то в Китае даже появилась в одном журнале статья по этому случаю. После создания Китайской Народной Республики (1949) увлечение Бердяевым, по понятной причине, полностью прекратилось, точнее, в континентальном Китае. Однако в Тайване его работы переводили, например «Русская идея» (1965), «Судьба человека в современном мире» (1974) и другие. Имя Бердяева периодически упоминается в континентальном Китае после культурной революции, в 80-е годы прошлого века, но не часто, всего лишь несколько раз. Все изменилось в 1990 году, когда опубликованы были отрывки из его книг «Самопознание», «О рабстве и свободе человека». Наступило время переводческого бума, одна за другой печатаются его книги, одновременно начинается и усвоение идей мыслителя. Что касается меня лично, то я первый раз услышал это имя в конце 1988 года, приехав в СССР учиться, ког-

да мои соседи по общежитию назвали его среди самых известных русских философов. Примерно через год я уже начал читать его работы, которые в СССР только начали издавать. И вообще это было мое первое философское чтение на русском языке. Во время учебы в Ленинградском государственном университете (1988–1993) я успел собрать все его сочинения, какие только были изданы. Бердяев — моя первая любовь в философии, именно он и научил меня философствовать.

Василий Ванчугов: И в каком объеме сегодня представлено творческое наследие Бердяева в Китае? Какие из его работ переведены?

Чжан Байчунь: Сегодня наследие Бердяева представлено у нас почти полностью, поскольку все его главные работы переведены, так что в этом отношении ему повезло больше других российских философов. Так у нас переве-

дены «О рабстве и свободе человека» (1994), «Русская идея» (1995), «Самопознание» (1997), «Истоки и смысл русского коммунизма» (1998), «Философия свободы» (1999), «Судьба России» (1999), «Душа России» (1999), «О назначении человека» (2000 год, в моем переводе), «Царство Духа и царство Кесаря» (2000), «Я и мир объектов» (2000), «Смысл истории» (2002), «Дух и реальность» (2002 год, мой перевод), «Опыт эсхатологической

В ОТЛИЧИЕ ОТ ПЛАТОНА,
КОТОРЫЙ ОТРИЦАЕТ ЭТОТ
МИР РАДИ МИРА ИДЕЙ,
БЕРДЯЕВ ПРИЗЫВАЕТ
К ДУХОВНОМУ МИРУ,
ГДЕ ВСЕ ПОДЛИННО,
ВСЕ СВОБОДНО



метафизики» (2003 год, мой перевод), «Мировоззрение Достоевского» (2007), «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого» (2007 год, мой перевод), «Философия свободного духа» (2009). Я лично перевел все его работы, которые включили в три сборника, вышедшие в издательстве «Республика» (1993, 1994, 1995), большинство моих переводов уже издано, но кое-что все же все еще пока остается в рукописи, например «Истина и откровение». Также переведены мною отдельные его статьи и опубликованы в наших научных журналах.

Василий Ванчугов: Проводятся ли в Китае конференции, непосредственно посвященные жизни и творчеству Бердяева?

Чжан Байчунь: Единственная конференция по Бердяеву состоялась в апреле 1999 года в Пекине, в Китайском Народном Университете. Эта было сделано в рамках восьмой по счету конференции по русской философии. Как вы знаете, у нас в Китае с 1985 года регулярно — раз в два года — проводятся конференции по Советской и Восточно-европейской философии, теперь это звучит как советско-российской философии. И тогда к нам из России приехали Гусейнов А. А., Толстых В. И., Буров В. Г., Ерасов Б. С. Я был среди участников этой конференции и, если не ошибаюсь, философия Бердяева была одной из двух ее главных тем. Тогда я только что закончил свою первую монографию по русскому богословию, точнее по русской религиозной философии, она вышла в 2000 году, где изложению философии Бердяева отводилось основное место. И на той конференции я выступил с большим докладом по его мировоззрению.

Василий Ванчугов: Защищают ли китайские аспиранты и докторанты диссертации на эту тему, я имею ввиду творчество Бердяева?

Чжан Байчунь: Да, и довольно много, к настоящему времени уже насчитывается более 20 магистерских и докторских диссертаций, где в центре внимания такие темы, как проблема свободы, объективации, его религиозные представления, литературная критика. Все это относится к числу любимых тем наших диссертантов, а под моим руководством в нашем университете была защищена магистерская диссертация по теме «откровения».

Василий Ванчугов: Вы перевели все работы Бердяева, выслушали десятки, если не сотни докладов, связанных с его творчеством. И какие идеи Николая Александровича привлекают Вас больше всего?

Чжан Байчунь: Его философия оказала на меня огромное влияние. Я всегда с удовольствием читал его и с радостью перечитываю. А теперь еще и слушаю! Каждый вечер я стараюсь прогуливаться, и для сочетания приятного и полезного купил в Москве, в «Библио-глобусе», аудио-книгу, где запись на 11 часов, и при прослушивании у меня возникает много новых и интересных идей. Если говорить конкретно, то вот какие его идеи мне ближе всего... Конечно же, прежде всего это идея «объективации». Каждый человек должен определить свое отношение к миру, в котором он живет, но сначала надо познать этот мир. По определению Бердяева этот мир является миром объективации, с этим миром примириться нельзя, с ним надо бороться ради свободного подлинного мира. Конечно все великие философы

точно также учили, все считали наш мир не настоящим, не подлинным, начиная с великого Платона и вплоть до Маркса, который решительным образом призывает изменить данный нам мир. В этом плане Бердяев принадлежит к великой западной философской традиции. В отличие от Платона, который отрицает этот мир ради мира идей, Бердяев призывает к духовному миру, где все подлинно, все свободно. Только в духовном мире, мире духа может существовать личность, можно сказать по-бердяевски, что духовный мир является миром личностей, в то время как в мире объективации существуют только индивиды. Для Бердяева духовная жизнь белее реальна, чем материальный мир. Я выпустил монографию в 2011 году, которая посвящена его духовному исканию, и дал своему сочинению такое название — «Дух дышит, где хочет». Конечно о судьбе моей книги трудно судить, но я уверен, что название вполне подходит к ее содержанию и точно выражает духовный поиск Бердяева. Также меня очень привлекает эсхатологическая ориентация Бердяева. Я считаю, только на основе эсхатологии философские идеи приобретают глубину, равно как и сама жизнь обретает смысл.

Василий Ванчугов: Ну а теперь о педагогическом, так сказать, о том, ради чего все это делается, переводятся сочинения. Что полезного в творчестве Бердяева могут найти китайские студенты?

Чжан Байчунь: Должен с сожалением признать, что китайские студенты не любят философию! Когда студенты естественных факультетов не любят философию, это еще как-то можно понять, но очень странно для меня то, что и студенты-гуманитарии также равнодушны к философии, и даже у студентов, специализирующиеся на философии, не испытывают особых чувств к философии, доказательством чего является уход большинства их, после получения диплома, в другие области знания, далекие от любомудрия. Возможно, что в этом мы сами, преподаватели, виноваты. Но среди основных причин я вижу сложность ее восприятия, усвоения. Немецкая классическая философия, современная аналитическая, совершенно отбивают охоту и желание у студентов к философии. Впрочем, есть и более «легкие» тексты, например, работы Бердяева, которые я и рекомендую всем студентам, как специализирующимся, так и гуманитариям, включая даже студентов естественных факультетов. Думаю, что каждый из них найдет в чтении русского

мыслителя что-то свое, созвучное себе. Ведь он доступным языком обсуждает много жизненных для них проблем, такие как проблема личности, свободы, веры, смысла жизни и смерти и др. Кстати, глава о смерти и бессмертии из его книги «О назначении человека» в моем переводе была включена в антологию для студентов.

Василий Ванчугов: А что полезного в творчестве Бердяева могут найти современные китайские философы, Ваши коллеги? Есть ли для них точки соприкосновения, что-то созвучное по тональности, родственное?

Чжан Байчунь: Философы уникальны, нельзя получать их в массовом порядке. В мировой философии только один Сократ, один Платон, Аристотель, Декарт. Эта единственность, уникальность есть суть философии. В философии повторы отвратительны, здесь все должно быть оригинально. Поэтому философствовать надо самостоятельно, а не в унисон. На любой вопрос имеется столько ответов, сколько есть философов. Я думаю, пока ответы не исчерпаны на

основной вопрос — что такое философия. И что такое национальная идея? Здесь столько же ответов, сколько философов. И это хорошо, это является гарантией того, чтобы народ не оказался во власти тоталитаризма, единомыслия. И здесь для всех поучителен будет опыт Бердяева, который в своем философствовании намеренно

БЕЗ ИДЕОЛОГИИ НАРОД МОЖЕТ ЖИТЬ, А БЕЗ ДУХОВНОГО ОРИЕНТИРА – НЕТ, И ЕГО ОПРЕДЕЛЯЮТ ФИЛОСОФЫ

стремится избегать повторений, подражаний кому-либо, ища для себя своей личной философии, дорожа свободой и творчеством. А у наших философов, как я вижу, не хватает духа свободы и творчества, так что им, безусловно, полезно было бы почитать сочинения Николая Александровича, поскольку его работы полны свободного и творческого духа. Бердяев критикует русскую интеллигенцию за нелюбовь к философской истине, группирующихся вокруг «своей» правды. И наши философы страдают той же болезнью групповщины, кружковщины. Кроме того, наших коллег привлекает не философия сама по себе, а ее преподавание, философия как профессия, как один из видов работы, заработка на жизнь. А вот для Бердяева философия не профессия, а сама жизнь. Я бы сказал, философия является для него своего рода религией. И в мире будет столько «философских религий», сколько настоящих мыслителей. Только тогда философы могут играть свою священную роль в обществе, то есть удовлетворять духовную жажду народа.

Василий Ванчугов: Какой из китайских мыслителей прошлого близок к Бердяеву по стилю мышления, манере философствования, по постановке и решению проблем?

Чжан Байчунь: Бердяев безусловно принадлежит к западной философской традиции, которая полностью отличается от восточной, в том числе и китайской. Конечно, и в западной философии есть фигуры, которые ближе к некоторым китайским мыслителям, например досократики. Однако следует особо отметить, что философии в западном понимании у нас нет. Так что с большой натяжкой могу сказать, что ближе всех к Бердяеву Лао-Цзы, который также полон свободного духа.

Василий Ванчугов: А кто из современных китайских мыслителей близок к Бердяеву?

Чжан Байчунь: Не могу сказать твердо ничего по этому поводу.

Василий Ванчугов: Хорошо, теперь такой вопрос. Какую из идей нашего мыслителя Вы бы порекомендовали российским философам? И еще — какая из идей Бердяева Вам кажется наиболее востребованной, актуальной для нашего времени?

Чжан Байчунь: Философы должны интересоваться вечными проблемами. И одной из такого рода проблем является проблема личности и идентичности. Она вечна потому, что присутствует в любой национальной философии, и каждый серьезный философ должен размышлять над этим. У Бердяева же, как у философа-персоналиста, по поводу личности и идентичности имеется очень много интересных идей, и они до сих пор чрезвычайно актуальны. Задача современной русской философии заключается в продолжении этого поиска на фоне глобального кризиса личности и идентичности.

Василий Ванчугов: Следующий вопрос также связан с актуализацией прошлого, востребованностью философии на практике, в частности, ее «полезностью» для общественной жизни, пригодностью в системе управления — что полезно в творчестве Бердяева могут найти китайские политики?

Чжан Байчунь: Поиск национальной идеи является одной из центральных тем русской религиозной философии. Каждый великий народ имеет свою неповторимую идею и миссию, он должен верить в эту идею, выполнить возложенную на него миссию. Этой темой серьезно занимался и Николай Александрович. Он всю жизнь искал и угадывал эту идею. Вслед за Соловьевым, он понимает русскую идею не националистически, наоборот, он критикует национализм и эгоизм в понимании «русской идеи». Чем может быть полезна национальная идея политикам? Прежде всего отмечу,

что она не идеология, а ориентир в национальной жизни. Без идеологии народ может жить, а без духовного ориентира — нет, и его определяют философы. Место и путь развития народа зависит от собственной национальной идеи. В отличие сиюминутной политической идеологии, национальная идея вечна. Слава Богу, эпоха политической идеологии в большинстве цивилизованных странах уже ушла в прошлое. В своей повседневности политики следуют своим принципам, но у них ведь есть еще и другая жизнь. И это жизнь духовная, где действуют иные, отличные от политической жизни, законы, и законодателями в духовной сфере являются именно философы. Именно они оказываются советниками, консультантами для политиков, только в духовном смысле. От философа политики получают мудрый совет, одухотворение. Мы знаем много примеров в мировой истории, когда народы шли ложным путем, ведущим в тупик, доводя до края пропасти. И у Бердяева есть масса интересных идей, полезных и интересных для наших политиков.

Василий Ванчугов: А какую из бердяевских идей Вы рекомендовали бы нашим политикам?

Чжан Байчунь: По поводу места вашей страны в мире у Бердяева есть одна идея, согласно которой Россия не совсем Запад, и не совсем Восток, а скорее Восток-Запад. Географически это так и есть. И это место положения для вас уникально. Отсюда роль и функция России в мировом сообществе. И именно на Востоке Россия всегда обретет свое истинное лицо, если можно так сказать. Я бы рекомендовал вашим философам тоже подумать над этим. По крайней мере у меня есть друзья и коллеги из России, которые в последние годы обращают большое внимание на Китай, часто бывают здесь, принимают участие в научных конференциях, выступают с лекциями, главным образом у меня, в Пекинском педагогическом университете. Философские мысли и идеи российских философов нашли у китайцев живой отклик и творческое восприятие, и в итоге у нас сложились очень тесные и добрые отношения. По моим предположениям, основанным на долгом опыте, китайским философам легче усваивать русскую, а не западную философию. И мой совет тем, кто хочет усвоить западную философию — читайте больше российских мыслителей! Также я уверен, что и российские философы найдут вдохновение в китайской мысли. Россия и Китай — две великие страны, диалог между этими великими культурами будет плодотворным и даст всему миру новый стимул для развития культуры.